

Поэтические встречи

Виктор САЙДАКОВ

Стихи разных лет

* * *

Зима отыграет последнюю вьюгу,
И сразу поверишь, что скоро весна,
И в солнечном свете, танцуя по кругу,
Запахнет на даче смолою сосна.
И ветер начнет приносить из простран-
ства
Грачей, трясогузок и длинных стрекоз,
И ты, окунувшись в зеленое царство,
На время забудешь холодный наркоз.
И сердце, очнувшись от тягостной стужи,
Потянется жадно к полям и лесам,
И снова тебя ослепят и закружат
Божественный мир и его чудеса.
Ты будешь опять открывать эти книги,
Где листья узорные, волглый туман,
Где в рощах кукушки разводят интриги,
А иволги плачут и сходят с ума.
Тебя повлечёт восходящая сила
Туда, где степной и полынный простор
Колышется в воздухе древнем и синем,
Среди кулундинских солёных озер.
И ты, растворившись в весенней купели,
Отринешь невзгоды и зимнюю боль,
И будут все выше вздыматься качели:
Скворцы, новолуние, звезды, любовь...

* * *

Грише

Над деревней гром грохочет,
Ливень падает на дом,
Внук мой бегаёт, хохочет,
Топчет лужи босиком.
На траве белесым валом
Влага пенится, кипит,
Правит дождик летним балом,
И никто не запретит.
Сам Илья вверху смеется,
Как ребенок, ливню рад,
С неба рушится и льётся
Настоящий водопад.
То затихнет, то припустит,
Не визжи, кого настиг!
Сразу вспомнишь о капусте,
Что ей надо подрасти.
Точно стенка слюдяная
Из блестящих веретен,
Крутит, вертит, изгибая,
Горизонт со всех сторон.
Дождик вдруг замрет, иссякнет,
Будто выключат его,
Только реденькие капли
Будут звякать о ведро.
Эти зыбкие минуты

Сайдаков Виктор Иванович. Родился 2 июля 1951 г. в пос. Сибирском Купинского района Новосибирской области. Учился в Сибирской средней школе. Закончил Новосибирский государственный педагогический институт и Новосибирское высшее военное политическое обще-
войсковое училище. Работал учителем и завучем в Сибирской средней школе. Служил в окруж-
ной военной газете «Советский воин», в военных журналах: «Советский воин», «Ориентир». 20
лет вел авторские программы на радио «Слово» (г.Новосибирск): «Честь имею», «Золотая пол-
ка русских писателей», «Слово о малой Родине», « Рассказы о живой истории Сибири», «Память
о войне», «Сибирь-матушка» и др. Пишу стихи и рассказы. Стихи публиковались в журналах
«Воин России», «Честь имею», «Дальний Восток», «Сибирская горница». Рассказы в газетах.
Полковник запаса. Член Союза журналистов России. Живёт в Новосибирске.

Первородной тишины
 Так тревожны почему-то,
 Так душе твоей нужны.
 Туча медленно отчалит,
 Уплывет за крайний дом,
 И оттуда на прощанье
 Проворчит последний гром.

СНЫ ДОМА

Мама с водою идёт от колодца,
 Зимнее солнце на пряслах висит,
 Мальчик с собакой играет, смеётся,
 Радио что-то у клуба басит.
 Ночь опускается сверху на крыши,
 Тише и глуше в селе голоса,
 Где-то скрипят запоздалые лыжи,
 Небо развёртывает чудеса.
 В доме родимом смежаются ставни,
 Дрёма истомная бродит кругом,
 Месяц звезду караульную ставит...
 Спит, затихает родительский дом.
 Снится ему, как здесь всё начиналось,
 Как новоселье справляли под снег,
 Как молодая хозяйка смеялась,
 Плакал хозяин от счастья во сне.
 Как от войны отмякали их лица,
 В доме уют, тишина, хорошо,
 Дети затопали по половицам,
 Крик удивленный: «Смотрите, пошёл!»
 Свадьбы, и проводы, светлые встречи...
 Кладбище в роще, у края села.
 Плакали воском тончайшие свечи,
 Были завешены все зеркала...
 Дом, домовина – старинные крепи,
 Здесь умирали, рождались, росли,
 С домом срастаясь, на вечные веки,
 Русские люди, из русской земли...
 Пусто теперь. Никого. Только ветер.
 Старый скворечник надрывно скрипит,
 Словно протезом, последний на свете,
 Брошенный в этом селе инвалид.
 Господи, на небеса уповаю,
 Робко прося у домашних икон,
 Глядя святому в глаза Николаю,
 Пусть же приснится и сбудется сон:
 Синие ставни, и внук мой смеётся,
 Выскочив утром босым на крыльцо,
 Дочь, улыбаясь, идет от колодца,
 Мамино светится в окнах лицо.

В ДЕТСТВЕ

Июльский ветер отдувает шторы,
 Цветет шиповник нежно и свежо,
 Илья-пророк катает бочки в гору,
 Отец под яром завершил стожок.
 А гром ворчит то далеко, то близко,
 Макушка лета – сенокосный рай,
 Мы землянике кланяемся низко,

И жжём костер у леса до утра.
 И с легким дымом отлетает детство,
 А нас несет восторженной волной,
 О, Господи, как бьётся моё сердце,
 И как не хочется домой...
 И разговоры, споры, ликованье,
 Как будем жить в волшебных городах,
 Подумаешь, с деревней расставанье,
 Где ползимы в сарае да в пимах!
 Позднее память и меня догонит,
 Я тоже бегал ночью на вокзал,
 И земляков, завидев у вагонов,
 Был счастлив, словно дома побывал.
 Но все потом, теперь зарницы, звезды,
 Цикады воздух звоном шевелят,
 И перепёлки сетуют, что поздно,
 Что спать пора – нам хором говорят.
 И вот рассвет, бежим через околок,
 А солнце разгорается, смотри!
 Трава, роса, дорога за посёлок,
 И повороты. Сразу три.

* * *

Да, азиаты мы...
 А.Блок. «Скифы»

Мне пригород милее, чем Москва,
 Здесь лица добрее и построже,
 А полудеревенские слова
 Мне душу так болезненно встревожат.
 В них слышится таинственный напев,
 В них чуются древнейшие глаголы,
 И ратники на выжженной тропе,
 И желтые раскосые монголы.
 И смертный крик, и родина в крови,
 И страшный, унижительный полон,
 И над Коломной связкой журавли,
 И дым со всех сторон.
 Я представляю как из рода в род,
 В Рязани, и в Торжке, и в Устье,
 Скуластый множился народ,
 Себя, считая только русским.
 Монголы нам близки по ковылям,
 И по кострам, и по степным зарницам,
 По бешеным, выносливым коням,
 Я в каждом русском вижу ваши лица.
 В названьях рек, поселков и озер
 Гортанные, но чуждые всем звуки,
 О, как хитер был изощренный вор,
 Сменив нам кровь и волосы, и руки.
 Мы подневольная, но все-таки родня,
 Читаемая по разрезу глаз,
 Но русич гордый смотрит из меня,
 И нам яса Чингиза – не указ.
 Ты всё, страна моя, перемогла,
 Была и сильной, и босой, и голой
 И все-таки, какой бы ты была,
 Когда б на Русь не двинулись монголы?

* * *

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна...
Г. Державин

Захочу и сегодня поеду в деревню,
Там меня дожидается русская печь,
Затоплю, и дымок такой вкусный
и древний
Будет снова над крышей задумчиво течь.
Среди снега пройду по замёрзшему саду,
Разбирая меж яблонь зайчиную вязь,
И знакомый снегирь на крыльцо
моё сядет,
Величавый и важный как розовый князь.
Он на флейте сыграет старинную песню,
Где рефреном звучит восемнадцатый
век,
В ней сенатор Державин надменно
воскреснет
И посмотрит на нас из-под старческих
век.
И в саду, где весёлые снежные горы,
Вдруг Суворов проскачет,
воскликнет мурза,
И сама Катерина от счастья и горя
Будет плакать под тополем и замерзать.
А умолкнет снегирь, я возьмусь
за лопату,
И сугроб по частям буду в санки грузить,
И весь день напролёт, до густого заката,
Буду молча эпоху в проулок возить.
А потом у печи, под уютною крышей,
Буду я улыбаться прошедшим часам,
И уже засыпая, успею услышать,
Как заспорят в саду про стихи голоса.
Но затихнет округа, и дом мой задремлет,
Лишь луна будет свет летаргический лить.
Хорошо, что могу я поехать в деревню,
И с Державиным выпив,
про снег говорить.

* * *

Ну, а что там у нас за окном?
Подойду, посмотрю и увижу,
Что белёшенько стало кругом,
Это снег поселился на крышах.
Это значит, что снова зима,
А когда подошла – не заметил,
И качает и кружит дома,
Расходившийся к вечеру ветер.
Где я был и куда я глядел,
Почему ничего я не видел?
Кто меня уводил за предел,
Достоевский, Булгаков, Овидий?
Ну, а выше подумать, наверно, нельзя,
Он не может пытать так жестоко,
Почему же во сне мне глазами грозят
И буравят мозги словно током.
Что же здесь? Все зима да метель?
Но и там непохоже на лето.
Это сон или явь? И где сам я теперь?
– Говорите! – Не слышу ответа...

ЕСЛИ БЫ...

Мне не нужна такая Украина,
И штат американский Вашингтон,
Жила бы только русская равнина,
Да в доме было меньше похорон.
Чтоб мама, ведрами легонечко качая,
Шла от колодца к милому крыльцу,
И чтобы я, деревню привечая,
Возил надежды своему отцу,
Что всё спокойно, внуки все при деле,
Не будет голода, тем более, войны,
А после бани мы б под вербу сели,
И выпили, и пели до луны.
И в песне, где про танки и парады,
Слова б особо выделил отец,
Что нам чужой земли не надо,
И прослезился б старенький боец...
И всё в ладу под светом лунным, томным,
Где речь родная, папиросный дым,
Но перед сном отец бы нам напомнил:
«Но и своей вершка не отдадим?»
Степная родина, зарницы, звезды – лето.
Траву сгибают, тяжелея, росы,
А мы не спим до самого рассвета,
И в голове отцовские вопросы.

* * *

Глухой октябрь приносит мне невгоды
По сердцу бьет то снегом, то дождём,
То черной вестью глушит через годы,
Сужая жизнь зыбкий окоём.
И родина озерная, степная
К глазам приникнет теплой пеленой,
Качнется сладким дымом и растает,
Как старое забытое кино.
Где жил и мучился, и верил неумело
В любовь и ненависть, в другие чудеса,
Где на доске белейшим в мире мелом
Про счастье робким школьникам писал.
Мел искрошился, высохли чернила,
В патронах порох серый изопрел.
Куда же ты судьба меня носила?
Как пропустил я радостный апрель?
Там жизнь взахлёб смеялась и бурлила,
Был тяжек труд, а значит честен хлеб,
И нас вперед влекла такая сила,
Какой хватило бы на тысячу судеб.
Но вот одна – заблудшая, больная...
Я вместе с ней по осени бреду,
А где-то сверху плачет птичья стая
С прорехой черной в порванном ряду...

* * *

Это лето с рассыпными и короткими
дождями,
Что утрами бьют по стеклам,
будят древнюю тревогу,
И воды холодной горечь пью я
жадными горстями,
Ухожу за край поселка на раскисшую
дорогу.

В кисее дождя июльской разглядеть
 пытаюсь садик,
 Где печально доцветают, мамой
 брошенные мальвы.
 Каждый год цветут, кивая, хотя их никто
 не садит,
 По другим садам гуляет много лет уж
 моя мама...
 Доберусь до дальней гривы,
 где у озера стояла
 Батей, сложенная крепко,
 одинокая скирда.
 Здесь мы с ним косили сено и рыбачили,
 бывало,
 И охотники съезжались на ночной костер
 сюда.
 Дождь закончился, над яром разливают
 перламутры
 Десять тысяч разных радуг, отражаясь
 в воде,
 Над травой туман белесый, будто кто-то
 дунул пудрой,
 И она как пыль над стадом в старой
 русской слободе.
 Я дождусь, когда стемнеет, и зажжет огни
 посёлок,
 И на шум его невнятный буду медленно
 идти:
 То услышу лай собаки, то отдельный крик
 весёлый
 И мне кажется, что вечность к дому
 я уже в пути.
 Мне навстречу попадутся овцы, кони
 и коровы
 Как они живут ночами на родной
 степной траве?
 Пастухи, наверно, знают – они тоже
 древней крови,
 Зыбко дремлют на телеге, сны, читая,
 в голове.
 И уютно и отрадно в мировом кочевье
 вечном,
 Видеть горсть огней призывных
 в человеческих домах,
 Нам они в чужбине дальней сердце
 горестное лечат
 И последними погаснут, провожая нас,
 в умах...

НАЧАЛО ЗИМЫ 1994 ГОДА

Вот и снова зима отворила нам двери,
 Поклоняется мир снеговой белизне.
 Я морозом дышу и в хорошее верю,
 И печальная женщина нравится мне.
 Я стихи про нее написать собирался,
 Выходил на балкон и смотрел на дома,
 Вспоминал своё детство, (себе улыбался)
 И услышал по радио слово: "Война".
 И уже по-другому наш мир обозначен,
 И опять убивает себя человек,
 И печальная женщина в комнатах плачет,

И уже не несет очищения снег.
 Вот и снова зима приоткрыла нам двери,
 Почему же не радуется новенький снег?
 Очень плохо теперь человеку, как зверю,
 Если вырос скитальцем в родимой
 стране.
 Очень плохо стране, где всё выюжит
 и выюжит,
 И не видно просвета на сорок сторон –
 Здесь никто никому уже больше
 не нужен,
 И значительно меньше скворцов,
 чем ворон.

* * *

Два безногих человека,
 Два калеки от войны,
 Плачут около аптеки,
 Только слёзы не видны,
 Плачут сжатыми губами,
 Белым инеем в глазах,
 Плачут темными руками,
 Что лежат на костылях.
 До чего ж они похожи,
 До чего ж они разны,
 Хоть один из них моложе,
 Оба вышли из войны.
 Две медали на два брата,
 Две ноги на две души,
 Плачут молча два солдата,
 Плачут в утренней тиши.
 Плачут, хоть ни капли влаги,
 Выжгло слезы на войне,
 Дед был ранен где-то в Праге,
 Внук в чеченской стороне.
 Солнце светит, блещут флаги,
 Да не те уж, всё не то...
 И твердит старик-бедняга:
 «А тебя, скажи, за что?»

* * *

Светлой памяти брата Петра

*Будет жить на небе голубом...
 А. Денисенко*

В городе нашем снега и метели,
 И не пробиться горячим мольбам,
 Помню, как в детстве на санках летели,
 С Петькой, который уехал к дедам...
 Там сейчас мама и батя с роднею,
 Вынесли всех за родимый порог,
 Их забросали степною землею,
 Как они выбрались, кто им помог?
 Кто расселил их на небе по звездам?
 Может быть, это невидимый Бог
 Душам жилища бесплатные роздал?
 Сколько столетий теперь у них срок?
 Все непонятно. Но снится мне батя,
 И мама глазами оттуда прозрит,

Если грешу, забыв про распятые:
 «Как же не стыдно тебе, паразит!»
 И прорываясь сквозь тонкую небыль,
 Я просыпаюсь, почти не дыша,
 Между землею и призрачным небом
 Где ты зависла, родная душа?

ПИСЬМО ИЗ ЗАБРОШЕННОЙ ДЕРЕВНИ

Здесь синее утро и синий снежок,
 И скрипы под окнами русские,
 Зима продолжается, милый дружок,
 Под песни метельные, грустные.
 В них больше не дышит любимая степь,
 Снегирь на плетне догорает,
 И жизни надежной старинная крепь
 Шатается и пропадает.
 Здесь в старых окошках уже не живут
 Ни птицы, ни звери весёлые.
 Здесь травы сгорают, и кладбища жгут,
 И голуби плачут над селами.
 Они по привычке летят на тока,
 Но там заросло всё травой,
 И в воздухе горьком струится тоска
 Меж небом и грешной землёю.
 И Господа молят трава и вода
 В их шелесте, шорохе слышно:
 «Когда же придешь, Пресветлый, когда?
 Спаси и помилуй, Всевышний!»

ТРИ МАРТА

* * *
 Про март уже не написать,
 Про март написано так много,
 Одна Юонова весна
 С его растаявшей дорогой
 Стихов на целую тетрадь.
 Про март уже не написать,
 Когда Саврасова грачи
 На церковь навалились звуком,
 И плачут птицы-первачи
 Над русским лугом.
 Ему же таять, раскисать.
 Про март уже не написать,
 Когда Грабарь, расплавив краски,
 Среди прозрачайших теней
 Устроил трепетные пляски
 Деревьев, снега и людей.
 Им жить теперь или плясать?
 Про март уже не написать.
 Но что же делать, если месяц
 Своей тончайшею иглой
 Мне каждый вечер в сердце метит,
 И плачет в полночь домовой,
 Кому об этом рассказать,
 И как про март мне написать?

* * *

Я жизнь, как мулла
 своей Коран замусолил...
 О. Мандельштам.

Как марты эти гибельны и сини,
 Листаю годы, а везде одно:
 Исход зимы, истаявшие силы
 Да стук звезды в закрытое окно.
 К балконной раме вскинусь, припадая,
 Постылый город в синем мираже
 Спасти не сможет даже молодая
 Луна, зависшая над крышей в вираже.
 Куда же делся этот звонкий, гулкий
 Хруст-звень-ледок по мартовским ночам,
 Звучащий в каждом нашем переулке,
 Где было столько призрачных начал?
 Я пропадаю, к рамам припадая
 И жизнь свою не ставлю ни во что,
 Мне снова снится мама молодая,
 И мой отец в заношенном пальто
 Я жизнь свою, как малую пылинку
 Затер в руках – не стало ничего,
 Я растворюсь в коричневом суглинке,
 Никто не вспомнит взгляда моего,
 Я так смотрел...

* * *

Братьям

В марте месяц совсем как иголка
 Истончился почти что на нет,
 Стала жизнь неуютна и колка
 На исходе истраченных лет.
 Эти синие в небе лагуны
 И дороги среди облаков,
 И степные тревожные луны,
 Как они теперь далеко.
 Там ночами вздыхали просторы,
 Оседали снега средь полей,
 И призывно звучали валторны,
 К дому рвущихся лебедей.
 Я вернусь в эти дали и сини,
 Стану к озеру с мокрым лицом.
 Здесь, под яром, мы сено косили
 С молодым и веселым отцом.
 Мы смеялись, кричали, шутили,
 Поднимали все выше скирду,
 В небе ястребы древние плыли
 Через древнюю Кулунду.
 Детский сон под березовым яром
 Безмятежен и нежен как шёлк,
 Это место отец наш недаром
 Для работы и сердца нашел.
 Нас потом разметало по свету,
 Братья, где вы? Смогли ли забыть?
 Вот мы спим среди сладкого лета
 И нас мама не хочет будить.

* * *

Поедем за город! Там выросла трава,
Там жаворонки нам напомнят детство,
Там можно и разуться и раздеться,
И не нужны расхожие слова.
Там странно плачут птицы по лесам,
Роняя синие не слезы даже, слезки,
Там нет дорог, одни лишь перекрестки,
И в центре каждого стоит
воздушный храм.

Там солнце – в небе, люди – на земле,
Природа там – в неспешливой работе,
Там дрогнет сердце на печальной ноте,
Когда ударит колокол в селе.
Поедем за город, там Родина жива,
Не врут ручьи и не обманут птицы,
Там можно умереть и вновь родиться
В краю, где снова выросла трава.

* * *

Январь-государь, зимохвал, вьюгостай...
В. Башунов

Снеговеи, снегодуи
Посредине января,
И погода негодует,
И в квартире кисну я.
Всё не так уже полгода,
Но обманываю всех,
Что виной всему погода,
Беспросветный этот снег
И кивая на усталость,
Балагурю и шучу,
Понимая, это старость
Меня треплет по плечу.

СТРАШНАЯ ПЕСЕНКА

Снова мне с тобой зимовать
В этом городе, где снегу полно,
У соседей соль занимать,
Пить на кухне чужое вино.
Говорить, что еще хороша,
И бояться ночевать одному,
В телефонную трубку дышать,
Звать тебя, чтобы прожить зиму.
Ох, намучит опостылевший снег,
И вранье, что закончу роман,
Прокатилась жизнь, как во сне,
И ни горя мне с тобой, ни ума.
Раньше мама хоть живая была,
И держала на привязи пульс,
А потом на руках умерла,
И я больше уже не молюсь.
Мне глаза свои стыдно поднять,
Ведь просила – приезжай поскорей!
А потом начала умирать,
И покоился февраль на дворе.
Снова мне с тобой зимовать
В этом городе, где снегу полно,
И себя от любви разрывать,
И тебя любить все равно.

РАННИЕ СТИХИ

* * *

Посмотри на последние муки
Пожелтевших, усталых дерев,
Что-то шепчет листва о разлуке,
Ветер северный, осмелев,
И набравшись губительной силы,
Засыпает листвою мой двор,
По ночам фиолетово-синим
Дождик тихо-претихо, как вор,
Накрывает прохладною лапой
Мир увянувший и глухой...
Будет мама украдкой плакать,
Вспоминая себя молодой.

* * *

Будет мама украдкой плакать,
Вспоминая себя молодой,
И ходить за дровами во слякоть,
И к колодцу ходить за водой.
А потом у растворенной печи
Будет долго смотреть на огонь,
Под его говорливые речи
Будет думать, склонясь на ладонь.
Будет розово дом озаряться,
Будут тени по стенам расти,
Будет шорохов мама бояться
И испуганно окна крестить.

* * *

Лизе

– Папа, почему ты говоришь:
июль- царевич лета. Надо говорить -
макушка лета.
– Царевич, доченька, царевич...
Из разговора за летним окном.

Июль, июль – царевич лета,
Тебе меня не провести,
Я ранней осени приметы
Встречаю на твоём пути.
И пусть туман едва заметен,
Он первый и коварный вор,
Тепло ворующий у лета,
Через тончайший влажный флёр.
В листе березовом и крепком,
Чуть побуревшем по резьбе,
Увижу рощу, жёлтым крепом,
Прикрывшую глаза себе.
А дни всё тают понемногу,
И шорохи ясней в лесах,
Уже дорожную тревогу
Я слышу в птичьих голосах.
И лёгкой грустью заморожен,
Читая эти письма,мена,
Невольно жизнь свою итожу:
Теперь вот осень, там зима?
Но тёплый дождь гудит и стонет
От наслаждения земля,

Посередине лета тонет
 В воде июльской грусть моя.
 И в мире чистом, обогретом,
 Где всё смешалось – явь и сны,
 Увижу я ещё приметы,
 Приметы будущей весны.

* * *

Я на кладбище, как в деревне,
 Вижу улицы и дома:
 Здесь вот кузница тихо дремлет,
 Здесь покоится дед Фома.
 А в березнике, чуть повыше,
 Где сбежались кресты на угор,
 Под резною тесовою крышей
 Поселился плотник Егор.
 Здесь и шорник поставил домишко,
 И печник свою вывел трубу,
 Вон и конюх наш – дядя Гриша
 В Поднебесие гонит табун.
 Я здороваюсь с каждым отдельно,
 Я подолгу стою у оград,
 Говорю с мужиками о деле,
 А они все молчат и молчат.
 Мужики все ядреного сока
 От работы едва лишь вчера.
 Уложила их жизнь раньше срока,
 Раньше срока ушли мастера.
 Я в деревне, как на погосте,
 Запустенье кругом и разор...
 Мы с тобой здесь незваные гости,
 Коль кресты нам уже не в укор.

ШИПОВНИК

Красавец дикий, весь в шипах,
 Куда там розе величавой
 В ее домашних коготках,
 Когда вокруг все – ах! да ах!
 На увядающую славу.

Рожденный, не для наших глаз,
 Он дерзко пахнет лесом, полем
 И тем, что так волнует нас:
 Он, умирая, в смертный час
 Все так же остро пахнет волей.

В НОЧНОМ ВЕСЕННЕМ ТУМАНЕ

Выходишь ночью на крыльцо,
 И растворяешься в тумане,
 И влагой плотно лицо
 Облепит мрак. И страшно станет.
 Ты растворишься, пропадешь,
 И в склеротическом незрении
 Живой иль мертвый – не поймешь,
 Плынешь по зыбкому течению...
 Весенним говором гусей
 Заполнится вверху дорога,

Тревога по округе всей,
 Как в Первородности. До Бога.
 И этот дотатарский звук
 Тебя как выстрелом разбудит,
 Освободит от томных мук...
 И будет день! И будет! Будет!

* * *

Брату

*Осенний дождь во мгле.
 Нет, не ко мне, к соседу
 Зонт прошелестел...
 Ранран.*

Ты знаешь, Саша, скоро осень,
 Опять шататься по лесам,
 Курить сырые папиросы,
 Ну, в общем, осень, знаешь сам.
 Теперь усталая природа,
 И лес прозрачный, и река
 Меня, весёлого урода,
 Играть заставят старика.
 И станет пусто, одиноко,
 Как будто старый-старый друг
 Прошёл однажды мимо окон
 И не зашёл, не подал рук.

ЦВЕТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Мальчишка, маленький, дурак,
 Зачем тебе такая осень?
 Луны оранжевый пятак
 Лимонный цвет на крыши бросил.
 И стал далёкий луг лиловым,
 А лес прозрачно-голубым.
 Душа тревожно ищет слова,
 Напрасно ищет. Жёлтый дым,
 Листвы сжигаемой уносит
 Тягучий ветер за дома,
 Мальчишка, милый, грустно в осень,
 Скорей бы белая зима.

* * *

А мне теперь одна отрада
 Дожить до осени моей,
 Дождаться тихо листопада
 И утомительных дождей.
 Увидеть как пустынным небом
 Протянет птичий караван,
 А там рукой подать до снега,
 До снега белого. Но вам
 Теперь меня не видеть больше,
 Я уезжаю. Я живу
 Здесь только осень и не дольше...
 Как будто снова наяву
 Целую теплые ладони
 Таких любимых, близких рук,
 Мне осень строит желтый домик
 Тоскливых и нелепых мук.

В ОТЦОВСКОМ ДОМЕ

Уже темнеет, копится
 По окнам синева,
 И печь на кухне топится,
 И в ней гудят дрова.
 Кастрюля дробно крышкою
 Гремит, пуская пар,
 И как всегда, с одышкою
 Вздыхает самовар.
 С вязаньем мама горбится,
 Лелеет кот усы,
 А в самой дальней горнице
 Ударят вдруг часы...
 И сразу время сузится,
 И дом заполонят
 Предметы, вещи. С улицы
 Войдут отец и брат...
 И все как раньше вроде бы,
 Как много лет назад,
 Так почему же родичи
 Мне не глядят в глаза?
 Я с табаком и спичками
 Во двор – утишить грусть,
 Себя отравой пичкаю
 И в дом не тороплюсь.
 Я слез своих не скрою
 И горя своего.
 Сейчас я дверь открою,
 А в доме – никого.

* * *

Когда последняя гроза
 Закончит тягостное лето,
 Начнут выплакивать глаза
 Дома от северного ветра.
 И станет медленно природа
 Готовить день и ночь к зиме,
 И осень длинная, в полгода,
 Заполнит мир. И станет мне
 Печально, тихо. Желтых мук
 Не могут вынести деревья,
 И листья свой последний круг
 Чертят, плывут. Плывут деревни,
 Дома, разъезды, города,
 Меняет мир свой облик милый
 К зиме везут нас поезда,
 Мелькают годы... Мимо, мимо.

* * *

Вот и снег. А сколько ждали!
 Надоели грязь, вода,
 И куда-то все печали
 Улетели – нет следа.

На душе светло, спокойно,
 Хорошо смотреть в окно:
 Вот идут все в белом кони,
 И мужик – бело сукно.

У крыльца сугроб, а снег
 Всё идет, идет, идет,
 Запорошил крыши все
 И скамейку у ворот.

Так лети же снег, лети,
 Обновляя эту землю
 И людей, что на пути
 Ты встречаешь и объемишь.

* * *

На старых портретах шинели и шашки,
 Глаза молодые тревоги полны,
 Гляжу и оттуда, из жизни вчерашней,
 Мне слышится голос

Гражданской войны...

Сердитое время: ни сна, ни покоя,
 Труба полковая охрипло зовет,
 И наши товарищи, верные кони,
 Несут нас степями и только вперед.
 Нам седла привычны и ветер горячий,
 Полянно-пахучий степной суховой,
 Мы верим в победу, не можем иначе,
 И стелются кони по дикой траве.

Мальчишки, мальчишки,

далёкой Гражданской,

Россия горела и плакала степь,
 А скольких уже никогда не дожждаться,
 А скольким уже не любить и не петь...
 Походные, теплые, звездные ночи,
 Усталых коней поведешь за костры,
 Увидишь, как месяц серебряный точит
 Клинок изогнутый о камень горы.
 И сердце зацепит тихонечко, тонко
 Протяжная ниточка-грусть,
 И вспомнишь, что где-то родная девчонка
 Все ждет не дождется. Но Родина-Русь
 В крови и пожарах и время такое,
 Труба боевая призывно зовёт,
 И наши товарищи, верные кони
 Несут нас степями. И только вперед.

СКВОРЕЦ

Уступи мне, скворец, уголок,
 Посели меня в старом скворешнике...
 Н. Заболоцкий

Развеселая птаха, скворец говорливый,
 По утрам твои песни – на сорок сторон,
 Это детство мое – твои трели

счастливые,

Позабытый за временем радостный сон.
 Это запах горячий цветущих черемух,
 Незабудковый луг и бордовый закат,
 Поселившийся в окнах

расплавленный омут,

Это юного сердца веселый набат.
 Ты допой мне до вечера, друг мой

горластый,

А потом, когда ночь народит синих звезд,
 И луной молодою, чертовкой глазастой,

Обозначится в зарослях спрятанный плес
 И озерные души, живущие ночью,
 Голосами тревожными заговорят,
 И сверчки мое сердце до боли источат,
 Отворится калитка во время назад...
 Выйдут братья со смехом мои из тумана,
 Все живые, большие и мама с отцом
 И продолжится жизнь без смертей
 и обмана,

С серединой хорошей,
 понятным концом...

И мы будем согласны с природой
 и Богом,

Пока в розовом свете ты будешь
 нам петь,

Пока будет пылиться на гриве дорога,
 И качаться в озерах любимая степь.

Ах, весенняя птаха, певец окаянный,
 Как же больно за сердце ты тянешь,
 певец.

Отдаю тебе душу на покаянье,
 Отпусти мне грехи, справедливый
 скворец.

* * *

Куда уж хуже, мальчик, жить,
 Когда полночная гроза
 Начнет над берегом кружить
 И жечь тревожные глаза.
 Еще страшнее, друг мой, жить,
 Когда по долгим вечерам
 Ты станешь годы ворошить,
 А там лишь ложь да стыдный хлам.
 Зачем же столько ярких снов,
 Коль ты усталым стариком
 С котомкой полною грехов,
 Стоишь немой перед Творцом?
 Но как же сладко было жить,
 Когда июльская гроза
 Плясала волнами по ржи,
 Твои смеялись глаза.

* * *

А если в кого ударил воробей
 с лету – быть худу.
 Народная примета

Когда с осенних крыш стекло
 Воспоминание о лете,
 Ударил воробей в стекло
 И душу брентную наметил.
 Всю зиму мучила метель,
 Всю зиму ставни дергал ветер,
 И громоздился груз потерь,
 Напоминая о примете.
 Но вот узорами карниз
 Восход малиновый завесил,
 И покатались ночи вниз,
 И истончился зимний месяц.
 Потом тончайшим серебром

Накрыл мой сад весенний дождик,
 И ты вошла в мой горький дом,
 И снова я до лета дожил.

 Бывает худо и без худа,
 Бывает и наоборот,
 Когда душа, венчая чудо,
 Тебя любовью бережет.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

ПЕРЕД ОСЕНЬЮ

Скоро дворникам листья мести,
 Скоро осень в дожди запечалит,
 И последним гудком на причале
 О зиме теплоход известит.

БОЛЕЗНЬ

На кухне восхода немножко,
 Да в спальне заката края...
 Хожу от окошка к окошку,
 Как мама когда-то моя.

* * *

Промокший сад, продрогший сад
 И красные ранетки,
 Наохлились синицы, в ряд,
 Сидящие на ветке.

ЛЕТО КОНЧАЕТСЯ

Конец июльским облакам,
 Кипенно-вычурным громадам,
 И хоть не хочется, но надо
 К осенним двигаться делам...

* * *

Первые узоры на стекле,
 Радость узнавания зимы,
 Погрустить о лете, о тепле
 И искать сибирские пимы...

* * *

Солнце улыбается весне,
 В комнатах играют перламутры,
 Ты смеёшься радостно во сне...
 Пахнет пасхой розовое утро.

* * *

Звезда высокая горит,
 И поле светится ночное,
 В деревне кто-то говорит,
 Но тихо, глухо. Не со мною.